

При этом вряд ли можно отнести репрессии и другие трагические события к событиям выдающимся. Между тем, они являются значимыми в нашей истории.

В этой связи необходимо внесение соответствующих изменений в определение понятия «сакральные места».

Таким образом, первый законопроект касается полной юридической реабилитации более 10 основных (базовых) категорий жертв и пострадавших от репрессий, не охваченных действующим законодательством, а также названных в законе, но не реабилитированных.

Второй законопроект исходит из необходимости политической реабилитации отдельных категорий жертв. Это ученые и творческие люди, пострадавшие за свои научные идеи, служители и защитники своих религиозных убеждений, борцы за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана, и другие.

По этим двум законопроектам ученые и эксперты Госкомиссии завершили работу. Они направлены в Администрацию Президента, депутатам Парламента РК.

Третий законопроект, который нами разрабатывается, касается более одного миллиона казахстанцев - вынужденных беженцев и их более 5 млн. потомков, проживающих ныне за пределами Казахстана.

Эти три законопроекта в случае их принятия Парламентом обеспечат исполнение поставленных Главой государства задач по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Теперь дело за депутатами Парламента – именно на них лежит ответственность за этот важный шаг к полной реабилитации невинных жертв репрессий в Казахстане.

МРНТИ 03.20.00

К ВОПРОСУ ОБ АНТИПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Айтхожин Кабдулсамих Кошекovich^{1*}

¹ Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, международного права и таможенного дела Университета Кунаева. Казахстан, г. Астана. E-mail: kabdulsamikh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1494-8157>

*Автор-корреспондент

Аннотация. Деятельность партии большевиков с самого начала преступного захвата ими государственной власти носила антиправовой характер, т.к. была прямо связана с посягательством на основополагающие, признанные международным сообществом права и свободы человека и гражданина. Государственный террор был применен тоталитарным режимом в огромных масштабах, как против отдельных лиц, так и отдельных групп населения, как «социально чуждых и опасных элементов»: «врагов народа», «изменников Родины», «лишенцев», баев, кулаков, служителей религии и др., насильственно исключавшихся из политической жизни страны. Такие определения отдельных лиц и социальных групп, не имевшие никакого юридического содержания, несли готовую установку для карательных органов, предопределяя произвол, являясь непереносимым условием расправы посредством искусственного вменения им преступного деяния. Практически все советское законодательство, являясь глубинно несовместимым с подлинным правом, представляло собой неправое и правоотрицание, так как принималось нелегитимными государственными органами с монополизацией политической власти в руках КПСС. Весь период функционирования партийно-советского режима характеризуется преступной практикой подмены репрессивными органами

законодательных учреждений и издания важнейших норм в виде закрытых ведомственных актов и решений, имевших приоритет и главенствующую роль над нормами Конституций, уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства СССР, РСФСР, КазАССР и Казахской ССР.

Все такие акты по массовым репрессиям являются неправовыми, а вытекавшие из них юридические, политические и иные последствия, ущемляющие права граждан и уничтожающие их честь и достоинство, - не имеют подлинной правовой силы.

Ключевые слова: Советское государство, право, конституция, права человека, тоталитарный режим, террор, массовые репрессии, произвол.

ГТАХР 03.20.00

ЗАҢҒА ҚАРСЫ МӘНІ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН

Айтқожин Қабдулсамих Көшекұлы^{1*}

¹ Заң ғылымдарының докторы, профессор, Қонаев университетінің конституциялық, халықаралық құқық және кедендік жұмыс кафедрасының меңгерушісі. Қазақстан, Астана қ. E-mail: kabdulsamikh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1494-8157>

*Автор-корреспондент

Аңдатпа. Большевиктер партиясының қызметі мемлекеттік билікті қылмыстық жолмен басып алғаннан бастап заңға қарсы сипатта болды, өйткені халықаралық қоғамдастық мойындаған адам мен азаматтың негізгі құқықтары мен бостандықтарына қол сұқты. Мемлекеттік террорды тоталитарлық режим жеке тұлғаларға да, халықтың жекелеген топтарына да «әлеуметтік жат және қауіпті элементтер» ретінде орасан зор көлемде пайдаланды: «халық жаулары», «Отанды сатқындар», «құқықтарынан айырылғандар», елдің саяси өмірінен күштеп шеттетілген жауынгерлер, кулактар, діни қайраткерлер және т.б. Ешқандай заңдық мазмұны жоқ жеке адамдар мен әлеуметтік топтардың мұндай анықтамалары жазалаушы билікке дайын нұсқау болып, озбырлықты алдын ала белгілеп, оларға қылмыстық әрекетті жасанды түрде айыптау арқылы жазалаудың таптырмас шарты болды. Кеңестік заңдардың барлығы дерлік шынайы заңмен терең үйлеспейтіндіктен, заңсыздықты және заңды теріске шығарды. Өйткені, оны КОКП қолында саяси билікті монополиялау арқылы заңсыз мемлекеттік органдар қабылдады. Партиялық-кеңестік режимнің бүкіл жұмыс істеу кезеңі репрессиялық органдардың заң шығарушы мекемелерді алмастыруы және Конституциялардың, КСРО, РСФСР, ҚазАССР және Қазақ КСР-нің қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу және өзге де заңнамаларының нормаларынан басым және басым рөл атқарған жабық ведомстволық актілер мен шешімдер түріндегі аса маңызды нормаларды шығарудың қылмыстық практикасымен сипатталады.

Осындай жаппай қуғын-сүргін әрекеттерінің барлығы заңсыз болып табылады және олардан туындайтын, азаматтардың құқықтарына нұқсан келтіретін, олардың ар-намысы мен қадір-қасиетіне нұқсан келтіретін құқықтық, саяси және өзге де зардаптардың шынайы заңды күші жоқ.

Түйін сөздер: Кеңес мемлекеті, заң, конституция, адам құқығы, тоталитарлық режим, террор, жаппай қуғын-сүргін, озбырлық..

IRSTI 03.20.00

ON THE QUESTION OF THE ANTI-LEGAL NATURE OF POLITICAL REPRESSIONS IN KAZAKHSTAN

Abstract. The activities of the Bolshevik Party from the very beginning of their criminal seizure of state power were of an unlawful nature, since they were directly connected with the encroachment on fundamental human and civil rights and freedoms recognized by the international community. State terror was used by the totalitarian regime on a huge scale, both against individuals and individual groups of the population, as "socially alien and dangerous elements": "enemies of the people", "traitors to the Motherland", "disenfranchised", rich people, kulaks, ministers of religion, etc., who were forcibly excluded from the political life of the country. Such definitions of individuals and social groups, which had no legal content, carried a ready-made directive for punitive organs, predetermining arbitrariness, being an indispensable condition for reprisals by artificially imputing a criminal act to them. Almost all Soviet legislation, being profoundly incompatible with genuine law, represented an illegitimacy and denial of law, since it was adopted by illegitimate state bodies with the monopolization of political power in the hands of the CPSU. The entire period of the functioning of the party-Soviet regime is characterized by the criminal practice of replacing legislative institutions with repressive bodies and issuing the most important norms in the form of closed departmental acts and decisions that had priority and a dominant role over the norms of the Constitutions, criminal, criminal-procedural and other legislation of the USSR, RSFSR, Kazakh ASSR and Kazakh SSR.

All such acts on mass repressions are unlawful, and the legal, political and other consequences arising from them, infringing on the rights of citizens and destroying their honor and dignity, have no genuine legal force.

Keywords: Soviet state, law, constitution, human rights, totalitarian regime, terror, mass repressions, arbitrariness.

В условиях развития процессов демократизации, возрождения потребности общества в законности и правопорядке, уважения к правам личности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР, включая и Казахскую ССР, стали выявляться катастрофические масштабы массовых политических репрессий, организованных преступным партийно-советским режимом, и ужасающая степень их беззакония. В целях восстановления честного имени и достоинства многих тысяч незапятнанных людей государственными органами и общественными правозащитными объединениями в Казахстане стала проводиться огромная работа по всестороннему анализу и оценке преступных массовых репрессий, имеющая важное общественно-политическое и правовое значение и в настоящее время. Верховным Советом Республики Казахстан, исполненным решимости восстановить справедливость по отношению к людям, подвергшимся массовым политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной компенсации причиненного им морального и материального ущерба, принимается Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» №2143-XII от 14 апреля 1993 г. (Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», 1993 г.).

В целях содействия сохранению исторической памяти о жертвах политических репрессий и учета многочисленных обращений граждан, общественных объединений и организаций, укрепления общенационального согласия и общественно-политической стабильности Указом Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. 1997 год был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий (Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв

политических репрессий, 1996). В этой связи для увековечения памяти лиц, пострадавших в годы политических репрессий и голода, Указом Президента Республики от 5 апреля 1997 г., 31 мая было объявлено Днем памяти жертв политических репрессий (Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий, 1996).

Антиправовой характер Советской власти был закреплён в первые годы после октябрьского антигосударственного переворота 1917 г., совершенного большевиками во главе с В. Лениным, организацией концлагерей, классовой борьбой введением трудовой повинности, поражением в правах, применением административной высылки и других массовых репрессивных мероприятий (борьба с байством и кулачеством, духовенством и др.), содержащих все признаки преступлений против человечности.

Антиправовой характер большевистско-сталинской власти подтверждается также насильственной ликвидации естественного и неотъемлемого политического права казахского народа на самоопределение и образования независимого государства, ликвидации легитимно возрожденной казахской государственности в форме Автономии (Республики) Алаш, созданного национального Правительства Алаш-Орда и массовыми политическими репрессиями борцов за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана.

Противоправность действий партии большевиков в полной мере подтверждается и вторым, окончательным антигосударственным переворотом – принудительным роспуском нелегитимной властью конституционного органа – Всероссийского Учредительного собрания, согласно Декрету ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания» от 6 января 1918 г. (Декрет ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания», 1918 г.), принятому в нарушение Декрета II Всероссийского съезда Советов об образовании для управления страной Временного рабочего и крестьянского правительства (СНК) впредь до созыва Учредительного собрания от 26 октября (8 ноября) 1917 г. (Декрет II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства», 1917 г.).

Насильственный государственный переворот, заменивший силу права правом силы, созданием репрессивного аппарата, сделавшего ставку на организованное насилие и разрушение всех правовых начал жизнедеятельности общества, является несовместимым с правом и правовыми ценностями. Деятельность партии большевиков с самого начала преступного захвата ими государственной власти носила явный антинародный, антиправовой характер, т.к. была прямо связана с посягательством на основополагающие, признанные международным сообществом права и свободы человека и гражданина.

Принятые же большевиками нормативные документы (Декреты II Всероссийского съезда Советов о мире, земле, отмене смертной казни, введении 8-часового рабочего дня, праве народов России на самоопределение и др.), прежде всего, носили ярко выраженный показной, декларативный и пропагандистский характер, пропагандистский характер, продиктованный лицемерными соображениями политической целесообразности в целях сохранения и укрепления власти. Права и свободы граждан, закрепленные в этих нормативных актах, фактически сводились к нулю, т.к. в реальной жизнедеятельности населения страны отсутствовало самое главное: подлинная свобода личности, свобода выбора деятельности, свобода совести, свобода творчества, мнений и убеждений, без которых невозможна достойная и полноценная жизнь человека и гражданина.

Особо выделяется и прямая зависимость массовых репрессий от идеологической конъюнктуры, т.к. граждане преследовались и за убеждения, не совпадавшие с политикой правящей партии коммунистов, антисоветская мотивация которых доказывалась преступным путем объективного вменения, когда наказание применялось без учета факта виновности (к лицам, признанным «врагами народа», «контрреволюционерами», «буржуазными националистами», «классово чуждыми», «социально опасными» элементами и др.).

В этой связи государственный террор был применен тоталитарным режимом в огромных масштабах, как против отдельных лиц, так и отдельных групп населения, как «социально чуждых и опасных элементов»: «врагов народа», «изменников Родины», «лиц, совершивших контрреволюционные преступления», «лишенцев», «спецпереселенцев», баев, «кулаков» и др., насильственно отчуждавшихся из правовой сферы государственной жизни. Такие определения отдельных лиц и социальных групп, не имевшие никакого юридического содержания, несли готовую установку для карательных органов, предопределяя неправосудие и произвол, являясь неременным условием расправы посредством вменения им определенного преступного деяния.

При этом основная масса репрессированных, не совершая каких-либо преступных деяний и правонарушений, привлекалась к уголовной ответственности посредством прямого объективного вменения из-за их *«опасного состояния»*, определяемого социальным и национальным происхождением, религиозным саном, принадлежностью к конкурирующим политическим партиям и т.д.

Нелегитимной партийно-советской властью отвергался и основной принцип права – формальное равенство свободных индивидов – так как в условиях однопартийного тоталитарного политического режима, массового обобществления и социализации средств производства, исключающих право с его принципом формального равенства и свободы индивидов, нет и не может быть независимого и свободного индивида, как субъекта прав.

Поэтому все конституционные акты советского периода (Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг., Конституция СССР 1924 г., Конституция КАССР 1926 г., Конституция СССР 1936 г., Конституция Казахской ССР 1937 г. и др.) на деле являются формальными документами, принятыми тоталитарным режимом исключительно в идеологических, пропагандистских целях для доказательства преимущества советского строя в условиях противопоставления социалистической и капиталистической систем.

Права и свободы советских граждан, лицемерно провозглашенные этими конституционными актами, были лишь пустыми декларативными нормами, иллюстрирующими иллюзорность всего советского законодательства в условиях массового террора и беззакония.

Антиправовая, репрессивная практика партии коммунистической партии большевиков, как внеправовой структуры, стоящей над государством, была направлена, как против отдельных лиц, так и против народов Советского Союза, в том числе и казахского народа, их стремлением защитить свои естественные права и свободы, являясь, по сути, государственным геноцидом, беззаконием и произволом. При этом центральный аппарат партии большевиков являлся верховной контролирующей инстанцией массовых репрессий, снявшей с государства все высшие духовные, нравственные и правовые ценности и многовековые общекультурные скрепы.

Основной характеристикой большевистско-советского тоталитарного режима, вытекавшей из изначально насильственной природы социализма, был террор, как массовая, узаконенная репрессивная государственная практика организованного насилия и применения разных видов принуждения в отношении гражданского населения. Прямой преступный призыв к тотальному террору, без всякого идеологического прикрытия, был предписан Обращением Совета народных комиссаров к населению России от 5 (18) ноября 1917 г.: «Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...» (Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению, 1917 г.).

Сущность Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), как и других карательных, органов, являвшихся внеправовым аппаратом политических репрессий, заключалась в охране нелегитимной партийно-советской власти путем осуществления террора и массовых репрессий по обеспечению строгого повиновения всех граждан порядку и правилам, установленным большевистско-сталинским режимом, не имевшим никакого отношения к праву и международно-правовым актам о правах человека. Закономерно

было в этой связи отсутствие в советском позитивном законодательстве, находившемся в непримиримом противоречии с ценностями естественного права, как собственно права в его исходном и подлинном смысле, термина «правоохранительный орган».

Само же естественное право (совокупность высших правовых ценностей, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека и общества), как концептуальное направление в понимании природы права, рассматривалось только с критической точки зрения, не находя официальной поддержки партийно-советского режима. Законодательная и иная нормативная практика государственных органов СССР, основанная на антиправовой идеологии и легитимации любого властного произвола в качестве закона и иного нормативного акта, на деле содействовала отрицанию онтологических ценностей права и справедливости и утверждению узаконенного бесправия личности в условиях массовых политических репрессий.

Репрессии, проводившиеся в Казахстане (и в СССР) внесудебными органами (коллегиями ВЧК, губернскими ЧК, ОГПУ, «двойками», «тройками», «пятерками», Особым совещанием НКВД и др.), осуществлялись по приказам ВЧК-ОГПУ-НКВД, претворявшим в жизнь решения съездов партии, пленумов ЦК, решений Политбюро ЦК, руководящих установок партийных вождей, что свидетельствовало о прямом вмешательстве коммунистическо-большевистской власти в практику внесудебных репрессий в целях тотального подавления прав и свобод в Республике.

Именно руководящий аппарат ВКП (б) развязывал кампании массовых репрессий, перекладывая ответственность за их проведение на подконтрольные карательные органы, деятельность которых носила антиконституционный характер и была прямо связана с посягательством на признанные международным сообществом права и свободы личности.

Соответственно с момента образования Советского государства однозначно фиксируется отсутствие каких-либо правовых институтов, защиты прав и свобод человека государственными органами, отдававшими приоритет не праву, а позитивному законодательству, построенному на началах правоотрицания и тотального насилия над личностью и его естественными правами на жизнь, личную свободу, собственность и др.

При этом позитивистский подход к правам человека, закреплённый в советских конституциях, максимально дистанцировался от естественно-правовых категорий свободы, справедливости, самоценности индивида, необходимых для обеспечения его человеческого достоинства, обладающих абсолютным вневременным действием и независимостью от усмотрения и произвола государственной власти. В этой связи в советских конституциях тоталитарным режимом намеренно и декларативно закреплялись именно права граждан, как политических субъектов, связанных с государством, а не права человека в их широком гуманистическом смысле.

Позитивистская трактовка советского права в условиях объявления правящим режимом естественного права и прав человека антисоциалистическими, антисоветскими и враждебными теориями права полностью исключала приоритет прав и свобод граждан, свободу выборов, презумпцию невиновности, принцип состязательности и другие гуманистические начала подлинного права. Ведь именно естественные, прирожденные права человека, как правовые общечеловеческие начала, призваны были поставить правовой заслон абсолютному всевластию партийно-советского государства, всемерно препятствовавшего утверждению в социальной практике и общественном сознании свободы и прав человека, как великих ценностей человечества.

Неприемлемость естественных прав человека для правящего большевистско-партийного режима предопределялась и тем, что их нормативное признание означало бы ограничение самой государственной власти, недопустимость ее вмешательства в область личной свободы человека. Иначе государство было бы не вправе отменить или ограничить личные (гражданские) права человека, суть которых в законодательном предоставлении возможности его автономии и свободного самоопределения. В случае такого признания государству было бы необходимо формировать и развивать адекватные государственно-

правовые механизмы защиты прав и свобод человека, с которыми партийно-советские и государственные органы, и должностные лица обязаны были считаться и принимать необходимые правозащитные меры. Но такого ограничения государственной власти, как показала реальная советская действительность, партийно-тоталитарный режим допустить не мог.

Партийно-советским режимом отвергались самым радикальным образом изначально заложенные критерии нравственного измерения политики и государственности – идеи прав человека, как фундаментального правового института, основанного на свободе, равенстве, общем благе, справедливости и принципах демократии и правового государства (разделении власти, верховенстве права и др.). Соответственно, подлинное право и права человека могут действовать только благодаря их моральному содержанию, нравственным ценностям, которые питает их. Без нравственной составляющей права и легитимности, право становится неправом, а легитимность – нелегитимностью. Именно поэтому преступная, нелегитимная партийно-советская власть не могла допустить разработку подлинных конституционных начал во всех формах бытия права и жизнедеятельности общества, которые могли стать гарантом от возможного массового насилия и подавления прав и свобод личности.

При этом права человека, как универсальная, экстерриториальная, общечеловеческая ценность, являются не только отражением правового опыта человечества, но и кристаллизацией его нравственных начал, связанных с уважением свободы и автономии личности, недопустимостью их нарушения, что дает возможность не только правовой, но и моральной оценки власти в целях удержания ее в границах гуманизма.

Более того, легитимность власти зависит от постоянной поддержки и защиты ею принципа уважения достоинства человека, как фундаментальной основы государственно организованного народа, как публичного сообщества граждан, каждый из которых обладает собственным достоинством. Соответственно, любой авторитет организации, включая авторитет государства, вторичен по своей природе по отношению к человеку: нет достоинства государства, существует лишь достоинство человека.

Доктринально подготовленная правящим коммунистическим режимом политика уничтожения «классовых врагов» пролетариата и трудящихся масс закономерно вела к целенаправленному геноциду партийно-советского государства, направленному против собственного народа. При этом массовое уничтожение «врагов народа», «конрреволюционеров», «буржуазных националистов», «классово чуждых», «социально опасных» элементов и др. преступной властью, не могло не обернуться разрушением социальных институтов, построенных на вековых социальных и нравственных нормах, ориентированных на смысл человеческого бытия и стремящихся к ценностным универсалиям.

В целях развенчания многовековой культуры человечества и его нравственности, как фундаментальных столпов человеческой духовности, обладающих автономным самоценным и самодовлеющим характером, коммунисты директивно перевели их в разряд надстройки, подчеркивая, что в их основе лежит корыстный классовый интерес. Между тем, как неоднократно свидетельствовали уроки истории, включая и трагический опыт коммунистического тоталитаризма, категорические императивы нравственности всегда стояли выше любых классовых и государственных целей, выше того, что разделяет людей и социальные слои общества и посягает на данный Всевышним универсализм человеческого бытия.

Все это говорит о государственном аморализме преступного партийно-советского режима, средствами достижения и сохранения нелегитимной власти которого были – массовые нарушения прав человека, попрание свободы и достоинства личности, использование человека, как винтика государственной машины в целях безграничного господства элиты коммунистической партии, делая его беззащитным перед неправовыми законами, санкционирующими произвол и насилие. Соответственно тоталитарный режим

не мог не отвергать идеи прав человека, основанных на свободе и равенстве, самоценности личности, как нравственных измерителей его политической власти. Ведь нравственным (моральным) может быть только государство, основанное на праве и правовых ценностях, признающее приоритет прав человека, как универсальной категории, и нравственные принципы человеческой свободы, достоинства и счастья.

Тоталитарным режимом целенаправленно разрушались и религиозные основы жизнедеятельности общества вопреки декларируемым советскими конституциями свободы совести и свободы вероисповедания. Так, несмотря на нормы конституции РСФСР, СССР, конституции КазССР и Казахской ССР, провозгласившие признание свободы отправления религиозных культов и свободы антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами, государство проводило агрессивную атеистическую политику, характеризовавшуюся радикальным преступным антирелигиозным вандализмом в отношении священнослужителей, верующих граждан и их молитвенных домов. Между тем религиозные нормы, являясь элементарными нормами человеческого общежития, несут в себе кристаллизованный опыт социального общения людей, находящихся в нем нравственные опоры, имеющие глубинные исторические корни. Поэтому обрывать тесные связи права с религиями, божественной природой человеческого мироздания, выступающими ценностными критериями жизнедеятельности общества, могла только преступная власть, отвергающая духовное содержание права, и не имеющая ничего общего с гуманистическими идеалами.

Более того, в истоках мировых религий (христианства, ислама, иудаизма, буддизма, конфуцианства и др.) заложены не только религиозные и нравственные, но и правовые начала жизнедеятельности человечества, с присущими им разнообразными способами интерпретации правоотношений, включая религиозно-правовые и нравственно-правовые нормы в целях обеспечения социального равновесия.

Основные права и свободы граждан же, провозглашенные советскими конституциями, включая Конституции Казахской ССР 1937 и 1978 гг., на деле служили законодательным прикрытием тоталитарных методов управления государством, необоснованных массовых репрессий, вплоть до террора, исключаящих верховенство прав человека, ставящих личность в центр всех процессов общественного развития.

И именно радикальный разрыв преступного партийно-советского режима с ценностями естественных прав человека, выступавшими мерилем нравственной оценки позитивного права, нравственными и иными гуманистическими социальными ценностями, позволил ему широко использовать принимаемые им законодательные и иные акты в интересах учреждения тоталитарной системы управления государством.

Неблагоприятная ситуация в отношении механизмов правовой защиты казахстанцев усугублялась и преступным введением массового террора в рамки советского законодательства посредством упрощения судопроизводства по политическим делам, и принимаемыми внесудебными органами решениями о репрессиях с использованием различных ускоренных административных средств. Упрощение содержания законодательных и иных актов и ускорение следственных и судебных дел, являясь абсолютно незаконными, имели цель – тотальную и беспощадную расправу репрессивных органов над «врагами народа». Соответственно карательные органы, их правоприменительная практика не связывались четко определенными законом составами преступлений и устанавливаемыми наказаниями в неправовых целях упрощения и ускорения уголовного процесса.

Весь период функционирования партийно-советского режима характеризуется преступной практикой подмены репрессивными органами законодательных учреждений и издания важнейших нормативных норм в виде закрытых ведомственных актов и решений, имевших приоритет и главенствующую роль над нормами Конституций, уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства СССР, РСФСР и Казахской ССР.

Репрессивное законодательство партийно-советского аппарата было подчинено политико-экономическим целям тоталитарного режима – отмене частной собственности и обобществлению производства на основе государственной централизации. В этой связи антиправовая суть преступного режима ярко подчеркивается тем, что политический террор против народа имел ярко выраженный экономический аспект, т.к. все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешёвого, принудительного труда заключённых, в том числе и политических осуждённых, лишенных всякого права на личную свободу.

Партийные установки ВКП(б) по вопросам форсированной индустриализации экономики СССР и коллективизации сельского хозяйства к концу 1920 – началу 1930-х гг., всецело определявшие направленность репрессивного механизма, стали директивой для территориальной экспансии, выразившейся в поставленной перед партийно-советскими органами ОГПУ и другими карательными органами, задачам колонизации малонаселенных районов Казахстана. Насильственные кампании по массовой конфискации байства, оседанию кочевого и полукочевого казахского населения, и коллективизации сельского хозяйства Казахской АССР, по времени синхронизированная с развертыванием индустриализации, на деле также должна была решить, мясозаготовительные, зерновые и иные продовольственные проблемы в целях обеспечения финансовых средств для ускоренной индустриализационной политики Советского государства.

В конце 1920 – начале 1930-х г. массовые политические репрессии с началом принудительной коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации, насильственно прервавших нормальный ход естественно-исторического развития социально-экономических отношений в казахском обществе, уничтожили сложившуюся веками уникальную культуру его социально-экономического и духовно-культурного жизнеобеспечения, что привело к трагическим последствиям – гибели половины казахского народа.

Постановления Казкрайкома ВКП (б), постановления КазЦИК и СНК КазАССР и иные решения партийных и государственных органов по вопросам конфискации байских хозяйств и их выселению, насильственной коллективизации и оседания, борьбы с байством и кулачеством в действительности, являлись антиправовыми актами произвола и противоречили Конституции РСФСР 1925 г. и Конституции КазАССР 1926 г.

При этом, как это видно из содержания вышеуказанных антиправовых актов, вопросами конфискации байских хозяйств и их выселению, насильственной коллективизации и оседания, борьбы с байством и кулачеством, и подготовкой нормативных актов по этим вопросам, руководил неконституционный орган – Казкрайком ВКП (б), преступные решения которого проводились на местах партийными и советскими органами. Между тем ни в Конституции РСФСР 1925 г., Конституции КазАССР 1926 г. и иных законодательных актах не устанавливались нормы о праве внесения проектов нормативных актов партийными органами ВКП(б). Все это однозначно свидетельствует, что все законодательные и иные нормативные акты по вопросам о конфискации байских хозяйств и их выселению, насильственной коллективизации и седентаризации, как преступные акции партийного произвола ВКП (б), являются юридически несостоятельными, неправовыми и ничтожными.

Для всех нормативных правовых актов, принятых государственными и партийными директивными органами Казахской АССР и Казахской ССР, и ставших основой для массовых политических репрессий, характерно тотальное отрицание права, личности и ее свобод, прав и законных интересов, собственности. Общей сутью законодательных и иных актов партийно-советского режима является тотальное и системное нарушение ими естественных, неотъемлемых, прирожденных прав человека: права на жизнь и личную свободу, права на свободное передвижение, права на свободу слова, права на частную собственность и др.

Необходимо также отметить, что всеобъемлющее конституционное регулирование основ общественного устройства государства сделало конституции советского типа основным инструментом неправового воздействия КПСС и Советского государства на социальные процессы в обществе. Иначе и быть не могло, т.к. речь шла о полностью огосударствленном обществе, которое могло функционировать только в предписанных ему государственно-партийной властью направлениях и формах. Соответственно характерной чертой тоталитарного режима, которому подчинены все стороны жизни общества, становится абсолютное насилие субъективного фактора над объективными реалиями действительности.

Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные советскими конституциями и иными нормативными актами, были лишены объективного смысла и ценности подлинного права, являясь лишь политико-правовыми фикциями, за которыми скрывались неправовые и негосударственные институты власти и монопольного политического правления КПСС. Практически все советское законодательство, являясь глубинно несовместимым с подлинным правом, представляло собой неправо и правоотрицание, так как принималось неправовыми, нелегитимными государственными органами с монополизацией политической власти в руках КПСС. Все это исключало всякое правовое начало, которое могло быть для монопольного политического правления КПСС только антимарксистским, антисоветским, антисоциалистическим, разрушающим неправовые устои советского тоталитарного законодательства.

Партийные органы, ориентированные на тотальный контроль над государством, являлись высшей руководящей инстанцией над органами исполнительно-распорядительной власти, имеющей право определять внутреннюю и внешнюю политику страны, формировать общегосударственные народнохозяйственные планы и директивно указывать их способы претворения в жизнь, а также контролировать исполнение, как своих указаний, так и актов исполнительных органов.

Как видно, государственная структура РСФСР и СССР, установленная Конституциями РСФСР и СССР, в действительности являлась только декоративным фасадом реальной власти ВКП (б) – КПСС, структура которой, основанная на бюрократическом централизме, была фактической властной структурой Советского государства. При этом в ВКП (б) – КПСС не существовало суверенных партийных организаций союзных и автономных республик, являвшихся на деле ничем иным, как территориальными подразделениями строго централизованной и единой на всей территории Советского государства коммунистической партии, не имевшими даже видимости самостоятельности.

Республиканские партийные комитеты ВКП(б) – КПСС, включая Казкрайком и ЦК компартии Казахстане обладали никакой политической, кадровой, материально-финансовой автономией, являясь совершенно безвластными организациями перед Политбюро ВКП (б) – КПСС. При этом первые секретари обкомов партии, территориально подчиненные ЦК Компартии Казахской ССР, часто устанавливали с ЦК ВКП (б) - КПСС прямые связи, значительно ослаблявшие партийную власть республики. Соответственно монолит Советского тоталитарного государства держался не на конституционной иерархии национальных и республиканских суверенитетов, а на жестком каркасе ВКП (б) – КПСС, скрепленном принципом бюрократического централизма.

Политбюро (Президиум) ВКП (б) – КПСС, как внеправовая надгосударственная структура, узурпировавшая все ветви государственной власти, в нарушение норм Конституции СССР, выносило постановления с одобрением совместных постановлений ЦК и Совета Министров СССР по вопросам, находящимся в компетенции органов исполнительной власти, в том числе государственных органов Казахской Республики.

Совет Министров СССР также, несмотря на федеративную природу СССР, закрепленную Конституциями СССР и союзных республик, игнорировал

законодательство союзных республик, издавая постановления по вопросам государственного управления, затрагивавшим компетенцию самих Советов Министров союзных республик.

Законодательные и иные нормативные акты КазАССР и Казахской ССР в условиях казарменного социализма, как правило, были лишены объективных правовых качеств и свойств, представляя собой только инструмент конъюнктурной политической целесообразности, подчиненный нуждам государственной репрессивной политики. Соответственно в стране отсутствовала и правовая законность, фактически и по существу подменявшаяся политической целесообразностью, исходившей из конкретных жизненных реалий поддержания тоталитарного режима.

В условиях безраздельного господства коммунистической партии, как особого механизма формирования и реализации политической власти путем сращивания партии со структурами государства, советскими карательными органами основное внимание уделялось ведомственному нормотворчеству, что приводило к обесцениванию норм Основного закона и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Конституции.

Как видно, ведомственное нормотворчество партийных и исполнительных органов, нарушая prerogatives Верховных Советов КазАССР и Казахской ССР, как законодательной власти, и девальвируя принцип верховенства закона, подрывало основы действующего законодательства государства. Так, согласно нормам статей 24 и 31 Конституции РСФСР 1918 г. Всероссийский съезд Советов являлся высшей властью РСФСР и образуемый им Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК) – высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР.

Однако в соответствии с положениями статей 37 и 38 Конституции Совету Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, исполнительному органу Съезда Советов и ВЦИК, принадлежало общее управление делами РСФСР, для осуществления которого он издавал декреты, распоряжения, инструкции и принимал «вообще ...все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни», обладая для этого всеми необходимыми законодательными полномочиями.

Аналогичная картина была характерна и для КазАССР и Казахской ССР, как и для других союзных и автономных республик СССР и РСФСР, для которых конституциями устанавливалась только видимость национальной государственности. Так, исключительное право издания законов за Верховным Советом Казахской ССР было закреплено лишь предписаниями статей 20-22 Конституции Казахской ССР 1937 г., установившими, что высшим органом государственной власти является Верховный Совет – единственный законодательный орган Казахской ССР. Однако Совет Народных Комиссаров, являясь только высшим исполнительным органом государственной власти Казахской ССР, согласно нормам ст. 39 Конституции, сохранял за собой широкие нормотворческие полномочия, принимая подзаконные акты по любым вопросам жизнедеятельности республики, бывшие, по сути, законодательными актами, т.к. сфера законодательного регулирования Конституцией и текущим законодательством не определялась. Соответственно Верховный Совет, единственный законодательный орган Казахской ССР, выполнял свои функции номинально, являясь декоративным органом власти.

Суды также не рассматривались коммунистическим режимом в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной власти. Относительная независимость и самостоятельность судов, подчинение их только закону нашли свое формальное юридическое воплощение в Казахстане только в Конституции Казахской ССР 1937 г. Так, ст. 83 Конституции закреплялось: «Правосудие в Казахской ССР осуществляется Верховным Судом Казахской ССР, областными судами, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного

Совета СССР народными судами». В этой связи ст. 91 Конституции Казахской ССР 1937 г. устанавливалось: «Судьи независимы и подчиняются только закону», но фактически судьи были далеки от реальной независимости, продолжая находиться под постоянным контролем партийных и советских органов и исполняя их обязательные предписания. При этом судебные функции, вопреки нормам Основного закона, продолжали осуществлять различные органы внесудебной репрессии (Особое совещание, «тройки», «двойки» и др.), образуемые при ОГПУ, НКВД, МГБ СССР.

Особые совещания, «двойки», «тройки» и другие органы, выносившие основную часть приговоров по репрессивным делам, являлись, по сути, антиконституционными, антиправовыми органами. Выносимые этими антиправовыми органами по различным политическим причинам, приговоры были неправовыми решениями, карательными средствами политики тоталитарного государства. Ведь в условиях, когда партийно-советский режим, как форма отрицания подлинной свободы личности, и ее бытия, и защиты, не связанный правом и правовыми ценностями, опирался непосредственно на насилие, - независимый суд и подлинное правосудие, по сути своей, были невозможными. Очевидно, что в условиях тоталитарного политического режима, право, как формально-определенная всеобщность свободы, правового равенства и нормативно закрепленная справедливость, объективно не могло существовать.

Содержание юридических документов по массовым репрессиям, как насильственно-приказных актов, проводившимся тоталитарным режимом в Казахстане, четко и недвусмысленно свидетельствует, что преобладающая часть репрессированных лиц – это не субъекты уголовных деяний, а жертвы политического произвола, признававшиеся социально опасными для правящей партии по социальным, классовым, национальным, религиозным и иным признакам. И в соответствии с международно-правовыми актами такие репрессированные лица должны быть приравнены к жертвам преступлений неправового советско-партийного режима. Пунктом 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г., установлено: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью».

Антиправовые положения советского законодательства, являвшегося декорацией, скрывающей фасад преступного партийного режима большевиков и сращивания коммунистической партии и государства, стали нормой для проведения массовых политических репрессий, приведших к миллионным человеческим жертвам, системная и целенаправленная организация и проведение которых согласно международным критериям несут в себе основные признаки геноцида против казахского народа.

Все законодательные и иные нормативные акты Советского государства по вопросам массовых политических репрессий, носят антиправовой характер, вытекающие из них нормативные, политические, гражданские последствия, не имеют правовой силы. Антиправовая сущность таких актов полностью подтверждается документами самих партийных, исполнительных и иных органов Советского государства, фактически являвшихся неправовыми институтами, основанными на насилии, лицемерии и лжи.

В течение всего периода своего функционирования большевистско-коммунистический режим и советское государство, выступавшие как единая политическая сила, враждебная идее независимого гражданского общества, суверенности личности, национальной свободы и независимости многомиллионного казахского народа и суверенитета Казахстана, соблюдению обязательств в рамках международного права, препятствовавшая осуществлению основных гражданских прав и свобод,

ликвидировавшие легитимно возрожденное казахского национального государства, организовавшее беспрецедентный массовый террор в рамках антинародной и преступной программы «Малый октябрь в Казахстане» несет полную ответственность, который можно квалифицировать как преступление против человечности.

Таким образом, решения «троек», «двоек», «особых совещаний», списки, и иные формы и методы массовых политических репрессий необходимо признать противоречащими праву, Конституции Республики Казахстан, человечности, принципам и нормам человеческой морали. Все такие акты по массовым репрессиям являются неправовыми, а вытекавшие из них юридические, политические и иные последствия, ущемляющие права граждан и уничтожающие их честь и достоинство, - не имеют подлинной правовой силы.

Историческая справедливость по отношению к безвинно истребленным, осужденным, изгнанным из Родины гражданам, в том числе борцам за национальную свободу независимость и территориальную целостность Казахстана, подлежащим полной политической и правовой реабилитации, имеющая исключительное политическое значение для современных судеб Нового и Справедливого Казахстана, должна быть восстановлена в полной мере. Для этого Парламентом должны быть приняты законопроекты, разработанные учеными и экспертами Госкомиссии «О полной юридической реабилитации жертв политических репрессий», «О политической реабилитации и статус борцов за независимость Казахстана» и «Вынужденных беженцев из Казахстана» и др. необходимые нормативные и -правовые акты и программы.

Список литературы и источников:

Декрет II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства». 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С.20.

Декрет ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания» от 6 (19) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С.335.

Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» № 2143-ХІІ от 14 апреля 1993 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. № 3299 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. № 3443. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению 5 (18) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. С. 50-52.

References

Dekret II Vserossiyskogo s"yezda Sovetov «Ob obrazovanii Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva». 26 oktyabrya (8 noyabrya) 1917 g. [Decree of the II All-Russian Congress of Soviets "On the Formation of the Workers' and Peasants' Government". October 26 (November 8), 1917] // Dekrety Sovetskoy vlasti. T. I. M.: Gos. izd-vo polit. literatury, 1957. S. 20. (In Russian)

Dekret VTSIK «O rospuske Uchreditel'nogo sobraniya» ot 6 (19) yanvary 1918 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On the Dissolution of the Constituent